

Воспроизводство повседневной жизни

Фреди Перлман

1969

Оглавление

Повседневная жизнь в капиталистическом обществе	3
Отчуждение жизнедеятельности	4
Товарный фетишизм	6
Преобразование жизнедеятельности в капитал	9
Накопление человеческой деятельности	16

Повседневная практическая деятельность первобытных людей воспроизводит, или увековечивает, племя. Это воспроизводство не просто физическое, но также общественное. Своей повседневной деятельностью первобытные не просто воспроизводят группу человеческих существ; они воспроизводят племя, а именно особую общественную форму в рамках которой эта группа людей выполняет специфическую деятельность в специфической манере. Специфическая деятельность первобытных не является итогом «естественных» характеристик людей, выполняющих их, как производство мёда является результатом «натуры» пчелы. Повседневная жизнь, осуществляемая и увековечиваемая первобытным является специфическим общественным ответом на определённые материальные и исторические условия.

Повседневная деятельность рабов воспроизводит рабство. Своей повседневной деятельностью рабы не просто физически воспроизводят самих себя и своих хозяев, они также воспроизводят инструменты, при помощи которых их хозяева угнетают их, а также свои собственные привычки подчинения власти хозяина. Для людей, живущих в рабовладельческом обществе, отношения между рабами и хозяевами кажутся естественными и вечными. Однако, люди не рождаются хозяевами или рабами. Рабство является специфической общественной формой и люди подчиняются ему только в очень определённых материальных и исторических условиях.

Практическая повседневная деятельность наёмных работников воспроизводит наёмный труд и капитал. Своей повседневной деятельностью, «современные» люди, подобно первобытным и рабам, воспроизводят жителей, общественные отношения и идеи своего общества; они воспроизводят общественную форму повседневной жизни. Подобно первобытнообщинной и рабовладельческой системам, капиталистическая система не является ни естественной, ни конечной формой человеческого общества; подобно ранним общественным формам, капитализм является специфическим ответом на материальные и исторические условия.

В отличие от ранних форм общественной деятельности, повседневная жизнь в капиталистическом обществе систематически преобразовывает материальные условия которым изначально отвечал капитализм. Некоторые из материальных ограничений человеческой деятельности постепенно подпадают под контроль человека. На высшей ступени индустриализации, практическая деятельность создаёт свои собственные материальные условия, также как свою общественную форму. Таким образом предметом данного анализа является не только то, как практическая деятельность в капиталистическом обществе воспроизводит капиталистическое общество, но также то, как сама эта деятельность упраздняет материальные условия ответом на которые стал капитализм.

Повседневная жизнь в капиталистическом обществе

Общественная форма повседневной деятельности людей при капитализме является ответом на определённое материальное и историческое положение. Материальные и исторические условия объясняют происхождение исторической формы, но не объясняют почему эта форма продолжается после того как исчезает исходное положение. Понятие «отставания в культурном развитии» не объясняет продолжительности

существования общественной формы после исчезновения первоначальных условий, которым она отвечала. Это понятие служит лишь названием для продолжительности существования общественной формы. Когда понятие «отставания в культурном развитии» служит названием для «общественной силы», которая определяет человеческую деятельность, это вводит в заблуждение, представляя итоги человеческой деятельности как внешнюю, неподконтрольную людям силу. Это касается не только понятий вроде «отставания в культурном развитии». Многие из терминов, которые Маркс использовал для описания человеческой деятельности были вознесены до статуса внешних и даже «естественных» сил, определяющих человеческую деятельность; поэтому такие понятия как «классовая борьба», «производственные отношения» и особенно «Диалектика» играют ту же роль в теориях некоторых «марксистов», что и «Первородный грех», «Судьба» или «Рука Провидения» играли в теориях средневековых мистификаторов.

В исполнении своей повседневной деятельности, члены капиталистического общества осуществляют одновременно два процесса: они воспроизводят форму своей деятельности и упраздняют материальные условия, которым изначально отвечала эта форма деятельности. Но они не знают, что осуществляют эти процессы; их собственная деятельность непрозрачна для них. Они пребывают в иллюзии, что их деятельность отвечает естественным условиям вне их контроля и не видят, что сами творят эти условия. Задача капиталистической идеологии заключается в поддержании флера, мешающего людям разглядеть за своей собственной деятельностью воспроизводство форм их повседневной деятельности: задачей критической теории является совлечение покровов с повседневной деятельностью, чтобы она стала прозрачной, чтобы воспроизводство общественных форм капиталистической деятельности стало различимым в повседневной человеческой деятельности.

При капитализме, повседневная жизнь состоит из взаимосвязанной деятельности, воспроизводящей и расширяющей капиталистическую форму общественной деятельности. Продажа рабочего времени за определённую цену (зарплата), воплощение рабочего времени в товарах (продаваемые товары, материальные и нематериальные), потребление материальных и нематериальных товаров (таких как потребительные товары и зрелища) — эта деятельность, характеризующая повседневную жизнь при капитализме, не является ни проявлением «человеческой природы», ни навязанной человеку неподконтрольными ему силами.

Если считать, что человек «по природе» неизобретательный первобытный и изобретательный бизнесмен, покорный раб и гордый ремесленник, независимый охотник и зависимый наёмный работник, тогда или «природа» человека является пустым понятием, или «природа» человека зависит от материальных и исторических условий и фактически отвечает этим условиям.

Отчуждение жизнедеятельности

В капиталистическом обществе, творческая деятельность принимает форму товарного производства, а именно производства рыночного продукта, в то время как результаты человеческой деятельности принимают форму товаров. Рыночность или

продаваемость становятся универсальными характеристиками всей практической деятельности и всех продуктов.

Продукты человеческой деятельности, необходимые для выживания принимают форму продаваемых товаров: они доступны только в обмен на деньги. При этом деньги доступны только в обмен на товары. Если большое количество людей принимает законность этих обычаев, если они принимают тот обычай, что товары становятся источником денег, а деньги источником выживания, они оказываются запертыми в порочном круге. Поскольку у них нет товаров, единственным выходом из этого круга будет если они начнут считать сами себя, или часть самих себя, товаром. А это, фактически, и является тем самым «решением», которое люди навязывают сами себе перед лицом специфических материальных и исторических условий. Они не обменивают свои тела или части своих тел на деньги. Они обменивают творческое содержание своей жизни, свою практическую повседневную деятельность на деньги.

Как только люди начинают принимать деньги за эквивалент своей жизни, продажа жизнедеятельности становится условием для их физического и общественного выживания. Жизнь обменивается на выживание. Творчество и производство начинают означать проданную деятельность. Деятельность человека «продуктивна», полезна для общества, только когда она продаётся. Сам человек становится продуктивным членом общества только если продаёт деятельность своей повседневной жизни. Как только люди начинают принимать условия этого обмена, повседневная жизнь принимает форму универсальной проституции.

Проданная творческая сила, или проданная повседневная деятельность, принимает форму труда. Труд является специфической формой человеческой деятельности в истории. Труд — это абстрактная деятельность, у которой есть лишь одно свойство: он является рыночным, его можно продать за определённое количество денег. Труд — это безразличная деятельность: он безразличен к тому заданию, которое выполняет, как он безразличен к тому субъекту, на который направлено его задание. Рытьё, вёрстка и ваение разнородны, но все три являются трудом в капиталистическом обществе. Труд это просто «зарабатывание денег». Жизнедеятельность, принимающая форму труда является средством заработка денег. Жизнь становится средством выживания.

Эта ироническая перестановка не является драматичной кульминацией художественного произведения; это факт повседневной жизни в капиталистическом обществе. Выживание, а именно самосохранение и воспроизводство, это не средство практической творческой деятельности, но как раз наоборот. Творческая деятельность в форме труда, а именно продаваемая деятельность, является болезненным условием, необходимым для выживания; труд — это средство самосохранения и воспроизводства.

Продажа жизнедеятельности приводит к ещё одной перестановке. Путём продажи, личный труд становится «собственностью» другого лица, другое лицо присваивает его себе, труд переходит под контроль этого лица. Другими словами, личная деятельность становится деятельностью другого лица, деятельностью его владельца; она становится чуждой для человека, исполняющего её. Так, жизнь человека, достижения личности в мире, разнообразие, которое вносит его жизнь в жизнь человечества, не только преобразовываются в труд, болезненное условие выживания; они пре-

образовываются в чуждую деятельность, деятельность исполняемую покупателем этого труда. В капиталистическом обществе, архитекторы, инженеры, рабочие, не являются строителями; строит тот, кто покупает труд строителя; их проекты, расчёты и движения отчуждены от них; их жизнедеятельность, их достижения, принадлежат ему.

Академические социологи, для которых продажа труда сама собой разумеется, понимают эту отчуждение труда как ощущение: деятельность работника «представляется» чуждой работнику, «кажется», что её контролирует другое лицо. Однако, любой работник может объяснить академическим социологам, что отчуждение не является ни ощущением, ни мыслью в голове работника, а реальным фактом в повседневной жизни работника. Проданная деятельность фактически является чуждой для работника; его труд фактически контролируется покупателем.

В обмен на свою проданную деятельность, работник получает деньги, как общепринятое средство выживания в капиталистическом обществе. На эти деньги он может покупать товары, вещи, но он не может выкупить свою деятельность. Это обнажает некую «брешь» в деньгах, как в «универсальном эквиваленте». Человек может продать свои товары за деньги, и он может купить те же товары за деньги. Он может продать свою жизнедеятельность за деньги, но он не может купить свою жизнедеятельность за деньги.

Вещи, которые работники покупают на зарплату в первую очередь являются потребительными товарами, которые позволяют им выживать, воспроизводить свою рабочую силу, с тем, чтобы они могли продолжать продавать её; и они становятся зрелищем, предметами для пассивного восхищения. Он потребляет продукты человеческой деятельности и восхищается ими пассивно. Он существует в мире не в качестве активного агента, преобразовывающего его, но в качестве беспомощного, бессильного зрителя; он может называть это состояние бессильного восхищения «счастьем», а поскольку его труд является таким болезненным, он может хотеть быть «счастливым», а именно бездействующим, всю свою жизнь (в состоянии, напоминающем живого мертвеца). Товары, зрелища, пожирают его; он использует жизнедеятельность в пассивном восхищении; его пожирают вещи. В этом смысле, чем больше у него есть, тем меньше он сам существует. (Отдельная личность может преодолеть эту смерть-при-жизни через маргинальную творческую деятельность; но население не может этого сделать, если только оно не уничтожит капиталистическую форму практической деятельности, упраздняя наёмный труд и таким образом разотчуждая творческую деятельность).

Товарный фетишизм

Отчуждая свою деятельность и воплощая её в товарах, как в материальных вместилищах человеческого труда, люди воспроизводят самих себя и Капитал.

С точки зрения капиталистической идеологии, особенно академической экономики, это утверждение не соответствует истине: товары — это «продукты не одного только труда»; их производят первозданные «производственные факторы»: Зем-

ля, Труд и Капитал, капиталистическая Святая Троица, где основным «фактором» естественно является наш главный герой, Капитал.

Задачей этой поверхностной Троицы является не анализ, так как этим Экспертам платят не за анализ. Им платят за то, что они затуманивают, маскируют общественную форму практической деятельности при капитализме, покрывают флером тот факт, что производители воспроизводят самих себя, своих эксплуататоров, а также инструменты посредством которых их эксплуатируют. Формула Троицы не слишком убедительна. Ясно, что земля — не более товаропроизводитель, чем вода, воздух или солнце. Далее, Капитал, который является названием заодно для общественных отношений между трудящимися и капиталистами, для средств производства, которыми владеет капиталист, и для денег-эквивалента его инструментов и «нематериальных товаров», не производит ничего кроме словоизвержений, которые принимают приемлемую для печати форму благодаря академическим экономистам. Даже средства производства, являющиеся капиталом отдельного капиталиста являются первобытными «производственными факторами» только если кому-то собственные шоры позволяют видеть лишь отдельные капиталистические предприятия, потому что панорама всей экономики вместе взятой обнажает тот факт, что капитал отдельного капиталиста является материальным вместилищем труда отчуждённого от другого капиталиста. Однако, хотя формула Троицы и неубедительна, ей удаётся выполнить задачу притупления внимания своей сменой предмета вопроса: вместо того, чтобы спрашивать почему человеческая деятельность при капитализме принимает форму наёмного труда, потенциальные аналитики капиталистической повседневной жизни превращаются в академических, доморощенных марксистов, задающихся вопросом является ли труд единственным «производственным фактором».

Так Экономика (и капиталистическая идеология вообще) рассматривает землю, деньги и продукты труда, как вещи, наделённые силой производить, создавать стоимость, работать на своих владельцев, преобразовывать мир. Маркс назвал это фетишизмом, характеризующим повседневные представления людей и возведённым в догму экономикой. Для экономиста, живые люди являются вещами («производственными факторами»), а вещи живыми (деньги «работают», Капитал «производит»).

Фетишист отдаёт фетишу продукт собственной деятельности. В результате, он перестаёт реализовывать свою собственную силу (силу к преобразованию природы, власть определять форму и содержание своей повседневной жизни); он пользуется только теми «силами», которые он приписывает своему фетишу («власть» покупать товары). Иными словами, фетишист кастрирует сам себя и отдаёт свою жизненную силу своему фетишу.

Но фетиш — это неживая вещь, это не живое существо; у него нет жизненной силы. Фетиш это всего лишь вещь, благодаря и ради которой, поддерживаются капиталистические отношения. Таинственная власть Капитала, его «сила» производить, его жизненная сила, пребывает не в нём самом, но в том факте, что люди отчуждают свою творческую деятельность, что они продают свой труд капиталистам, что они материализуют или опредмечивают свой отчуждённый труд в товарах. Иными словами, людей покупают продуктами их собственной деятельности, и всё же они рассматривают свою собственную деятельность, как деятельность Капитала, а свои собственные продукты, как продукты Капитала. Отдавая творческую силу Капиталу, а

не своей собственной деятельности, они приносят свою жизнедеятельность, свою повседневную жизнь, в жертву Капиталу, что означает, что люди ежедневно отдают самих себя безличному Капиталу в лице капиталиста.

Путём продажи своего труда, отчуждения своей деятельности, люди ежедневно олицетворяют в своём воспроизводстве господствующие формы деятельности при капитализме, они воспроизводят наёмного работника и капиталиста. Они воспроизводят людей не просто физически, но также общественно; они воспроизводят индивидов, как продавцов рабочей силы и индивидов как владельцев средств производства; они воспроизводят индивидов, так же как специфическую деятельность, продажу, так же как собственность.

Каждый раз, когда люди выполняют некую деятельность, которую не они сами определяют и контролируют, каждый раз, когда они платят за товары, которые они произвели, деньгами, которые они получили в обмен на свою отчуждённую деятельность, каждый раз, когда они пассивно восхищаются продуктами собственной деятельности, как чуждыми предметами, приобретёнными за деньги, они придают новую жизнь Капиталу и умерщвляют свою собственную жизнь.

Цель процесса заключается в воспроизводстве отношений между работником и капиталистом. Однако, это не цель отдельных действующих лиц, вовлечённых в него. Их деятельность непрозрачна для них; их взгляды зациклены на фетише, стоящем между действием и его результатом. Взгляды отдельных действующих лиц постоянно обращены на вещи, благодаря которым установились капиталистические отношения. Работник как производитель стремится обменять свой ежедневный труд на деньги-зарплату, он стремится как раз к той вещи, через которую восстанавливаются его отношения с капиталистом, к вещи, через которую он воспроизводит сам себя как наёмного работника и другого человека как капиталиста. Работник как потребитель обменивает свои деньги на продукты труда, а именно на те вещи, которые капиталист должен продавать, чтобы реализовать свой Капитал.

Повседневное преобразование жизнедеятельности в Капитал опосредовано вещами, оно не осуществлено вещами. Фетишист не знает этого; для него труд и земля, средства производства и деньги, предприниматели и банкиры, все являются «факторами» и «действующими лицами». Когда охотник с амулетом на шее, сшибает камнем оленя, он может считать свой амулет существенным «фактором» в добыче оленя и даже в предоставлении ему оленя как объекта добычи. Если это ответственный и образованный фетишист, он будет уделять внимание своему фетишу, заботливо и с любовью лелея его; для того чтобы улучшить материальные условия своей жизни, он будет улучшать способ ношения своего фетиша, а не способ камнеметания; он может даже послать свой амулет «охотиться» вместо себя. Его собственная повседневная деятельность непрозрачна для него: когда он хорошо питается, ему не удаётся заметить, что его собственные действия при метании камня, а не действия амулета, обеспечивают его едой; когда он голодает, ему не удаётся понять, что его собственные действия в поклонении амулету вместо охоты, а не гнев его фетиша, вызывают его голод.

Фетишизм товаров и денег, мистификация собственной повседневной деятельности, религия повседневной жизни, приписывающая жизнедеятельность неодушевлённым вещам, это не просто интеллектуальный каприз рождённый в воображении

человека; он происходит из характера общественных отношений при капитализме. Фактически, люди связываются друг с другом посредством вещей; на деле фетиш является поводом для коллективной деятельности и благодаря которому они воспроизводят свою собственную деятельность. Однако, эту деятельность осуществляет не фетиш. Не Капитал преобразовывает сырьё, не Капитал производит товары. Если жизнедеятельность не преобразовывает материалы, они остаются непреобразованными, инертными, мёртвой материей. Если бы люди перестали хотеть продолжать продажу собственной жизнедеятельности, Капитал бы выказал своё бессилие; Капитал перестал бы существовать; остатки его могущества обладали бы силой лишь напоминать людям о былой форме повседневной жизни, которую характеризовала ежедневная универсальная проституция.

Работник отчуждает свою жизнь для того, чтобы сохранить её. Если бы он не продавал свою жизнедеятельность, он не получал бы зарплату и не мог бы выжить. Однако, не зарплата ставит условием для выживания отчуждение. Если бы люди коллективно перестали хотеть продавать свою жизнь, если бы они хотели получить контроль за своей собственной деятельностью, универсальная проституция перестала бы быть условием для выживания. Именно склонность людей продолжать продажу своего труда, а не вещи, ради которых они продают его, превращает отчуждение жизнедеятельности в необходимое условие для сохранения жизни.

Жизнедеятельность, продаваемая работником покупается капиталистом. Только эта жизнедеятельность вдыхает жизнь в Капитал и делает его «продуктивным». Капиталист, «владелец» сырья и средств производства, представляет природные материалы и продукты чужого труда, как свою «частную собственность». Однако, не таинственная сила Капитала создаёт «частную собственность» капиталиста; именно жизнедеятельность создаёт «собственность», и форма этой деятельности сохраняет её в качестве «частной».

Преобразование жизнедеятельности в капитал

Преобразование жизнедеятельности в Капитал происходит через вещи, ежедневно, но при этом не осуществляется вещами. Вещи, как продукты человеческой жизни кажутся активными действующими лицами потому что деятельность и контакты устанавливаются через вещи и ради них, а также потому что деятельность людей не прозрачна для них; они принимают посредничающий объект за первопричину.

При капиталистическом процессе производства, работник воплощает или материализует свою отчуждённую жизнедеятельность в инертном объекте путём использования средств производства, являющихся воплощением деятельности других людей. (Сложные промышленные средства производства воплощают интеллектуальный и физический труд бесчисленных поколений изобретателей, совершенствователей и производителей из всех уголков земного шара и из различных общественных формаций). Средства производства сами по себе являются инертными объектами; это материальные воплощения жизнедеятельности, неживые сами по себе. Единственным активным действующим лицом в производственном процессе является живой работник. Он использует продукты труда других людей и вдыхает в них жизнь,

образно говоря, но эта жизнь является его жизнью; он не способен воскресить тех людей, чья жизнедеятельность накоплена в его инструменте. Инструмент может дать ему возможность делать больше в определённый период времени и в этом смысле повышать его производительность. Но только живой труд, способный производить может быть продуктивным.

Например, когда промышленный рабочий работает на токарном станке, он использует продукты труда поколений физиков, изобретателей, инженеров электриков, производителей станка. Очевидно, он более продуктивен, чем ремесленник вырезающий тот же предмет руками. Но это ни в коем случае не означает, что «Капитал» находящийся в распоряжении промышленного рабочего более «продуктивен», чем «Капитал» ремесленника. Если бы поколения интеллектуального и физического труда не были воплощены в токарном станке, если бы промышленному рабочему пришлось изобретать электричество, станок и его запчасти, тогда у него ушло бы несколько жизней на то, чтобы произвести хоть один предмет на электрическом токарном станке и никакая сумма Капитала не смогла бы повысить его продуктивность по сравнению с ручным трудом ремесленника.

Понятие «производительного капитала» и особенно подробное измерение этой «производительности» являются изобретением «науки» Экономии, этой религии капиталистической повседневной жизни, которая питается человеческой энергией, затрачиваемой на поклонение, восхищение и лесть центральному фетишу капиталистического общества. Средневековые коллеги этих «учёных» осуществляли детальные измерения высоты и ширины ангелов в раю, не задаваясь вопросом о том, что такое ангелы или рай и считая их существование само собой разумеющимся.

Результатом проданной деятельности рабочего является продукт, который не принадлежит ему. Этот продукт является воплощением его труда, материализацией части его жизни, вместилищем его жизнедеятельности, но он не принадлежит ему; он чужд ему также как и его труд. Он не принимал решение сделать его, а когда он сделал его, он им не распоряжается. Если он ему нужен, он должен купить его. То, что он сделал это не просто продукт с определёнными полезными свойствами; для этого ему не надо было бы продавать свой труд капиталисту в обмен на зарплату; ему надо было бы просто подобрать необходимые материалы и доступные средства производства, ему надо было бы только обработать материалы в соответствии с его целями и его ограниченными знаниями и способностями. (Ясно, что один человек может заниматься чем-то подобным только на периферии общества; овладение доступным сырьём и средствами производства и их использование всеми людьми может произойти только после свержения капиталистических форм деятельности).

То, что рабочий производит при капиталистических условиях является продуктом, наделённым очень специфическим свойством, свойством способности к сбыту. Отчуждённая деятельность производит товар.

Поскольку капиталистическое производство является товарным производством, утверждение о том, что целью процесса является удовлетворение человеческих потребностей ложно; это только рационализация и апология. «Удовлетворение человеческих потребностей» не является ни целью капиталиста или рабочего, вовлечённых в производство, ни результатом процесса. Рабочий продаёт свой труд чтобы получить зарплату; специфическое содержание труда безразлично для него; он не отчуждает

свой труд в пользу капиталиста, который не платит ему зарплату, вне зависимости от того, сколько человеческих потребностей могут удовлетворить продукты этого капиталиста. Капиталист покупает труд и занимает его в производстве, чтобы у него появились товары, которые он сможет продать. Ему безразличны специфические свойства продукта, так же как ему безразличны человеческие потребности; всё, что интересует его в продукте, это за сколько его можно продать, в то время как всё, что его интересует в человеческих потребностях, это сколько им «требуется» для того, чтобы покупать и как их можно заставить, путём пропаганды и психологического давления, увеличивать свои «потребности». Целью капиталиста является удовлетворение его собственных потребностей воспроизводить и увеличивать Капитал, а результатом процесса является увеличение воспроизводства наёмного труда и Капитала (которые вовсе не являются «человеческими потребностями»).

Товар, производимый рабочим обменивается капиталистом на определённое количество денег; товар является стоимостью, которая обменивается на равную стоимость. Иными словами, живой и мёртвый труд материализованные в продукте могут существовать в двух различных, но в то же время равных формах, в товарах и в деньгах, или в том, что у них есть общего, в стоимости. Это не означает, что стоимость является трудом. Стоимость это общественная форма овеществлённого (материализованного) труда в капиталистическом обществе.

При капитализме, общественные отношения не устанавливаются напрямую; их устанавливают через стоимость. Повседневная деятельность не обменивается напрямую; она обменивается в форме стоимости. Следовательно, то, что происходит с жизнедеятельностью при капитализме нельзя отследить наблюдая за самой деятельностью, но только следя за метаморфозами стоимости.

Когда человеческая жизнедеятельность принимает форму труда (отчуждённой деятельности), она принимает свойство обмениваемости; она принимает форму стоимости. Иными словами, труд можно обменять на «эквивалентное» количество денег (зарплату). Намеренное отчуждение жизнедеятельности, воспринимаемое членами капиталистического общества как необходимое для выживания, само воспроизводит капиталистическую формацию при которой отчуждение необходимо для выживания. Поскольку жизнедеятельность обладает формой стоимости, продукты этой деятельности тоже должны приобретать форму стоимости: они должны обмениваться на деньги. Это очевидно поскольку, если продукты труда принимали бы не форму стоимости, но например форму полезных предметов для общественного пользования, тогда они либо оставались бы на фабрике, либо их свободно разбирали бы члены общества, каждый раз, когда у них появлялась бы в этом потребность; в любом случае, деньги-зарплата, получаемые рабочими не обладали бы стоимостью, а жизнедеятельность нельзя было бы продать за «эквивалентное» количество денег; жизнедеятельность была бы неотчуждаемой. Следовательно, как только жизнедеятельность принимает форму стоимости, продукты этой деятельности принимают форму стоимости, а воспроизводство повседневной жизни происходит путём изменений или метаморфоз стоимости.

Капиталист продаёт продукты труда на рынке; он обменивает их на эквивалентную сумму денег; он реализует предопределённую стоимость. Специфическая величина стоимости на определённом рынке — это цена товаров. Для академического Эконо-

миста, Цена — это ключ Св.Петра от врат Рая. Как сам Капитал, Цена движется внутри прекрасного мира, который полностью состоит из предметов; предметы состоят друг с другом в человеческих отношениях, они являются живыми; они преобразовывают друг друга, общаются друг с другом; они женятся и заводят детей. И само собой разумеется только по милости этих умных, могущественных и творческих предметов люди могут быть счастливыми в капиталистическом обществе.

В живописных представлениях Экономиста о чудесах Рая, ангелы делают всё, а люди не делают ничего; люди просто наслаждаются тем, что для них делают эти высшие существа. Не только Капитал производит, а деньги работают; другие таинственные существа обладают схожими добродетелями. Так Предложение, количество продаваемых вещей, и Спрос, количество покупаемых вещей, вместе определяют Цену, количество денег; когда Предложение и Спрос на определённой точке диаграммы вступают в брак, они порождают Равновесную Цену, соответствующую состоянию вселенского блаженства. Деятельность повседневной жизни осуществляется вещами, а люди сводятся до уровня вещей («производственных факторов») в течение своих «производственных» часов и до пассивных созерцателей вещей во время своего «досуга». Добродетельность Учёного Экономиста состоит в его способности приписывать результат повседневной деятельности людей вещам и в его неспособности увидеть жизнедеятельность людей под гротеском вещей. Для Экономиста, вещи через которые регламентируется человеческая деятельность при капитализме сами являются матерью и сыном, причиной и последствием их собственной деятельности.

Величина стоимости, а именно цена товара, количество денег, на которое он обменивается, определяется не вещами, а повседневной человеческой деятельностью. Спрос и предложение, совершенная и несовершенная конкуренция, являются не более чем общественными формами продуктов и деятельности в капиталистическом обществе; у них нет своей собственной жизни. Тот факт, что деятельность отчуждается, а именно, что рабочее время продаётся за специфическую сумму денег, что у него есть определённая стоимость, обладает несколькими последствиями для величины стоимости продуктов этого труда. Стоимость проданных товаров должна по крайней мере равняться стоимости рабочего времени. Это явно как с точки зрения отдельной капиталистической фирмы, так и с точки зрения общества как целого. Если стоимость товаров, продаваемых отдельным капиталистом была бы меньше, чем стоимость труда, который он нанял, тогда его затраты на один лишь труд были бы больше его заработков, и он бы быстро обанкротился. В общественном смысле, если стоимость производства трудящихся была бы меньше стоимости их потребления, тогда рабочая сила не смола бы воспроизводить даже себя, не говоря уже о классе капиталистов. Однако, если бы стоимость товаров просто равнялась стоимости рабочего времени затраченного на них, товаропроизводители просто воспроизводили бы самих себя, и их общество не было бы капиталистическим обществом; их деятельность всё ещё могла бы состоять из товарного производства, но это не было бы капиталистическое производство товаров.

Для того, чтобы труд создавал Капитал, стоимость продуктов труда должна быть больше стоимости труда. Иными словами, рабочая сила должна производить прибавочный продукт, количество товаров, которое она не потребляет, и этот прибавочный продукт должен быть преобразован в прибавочную стоимость, форму стоимости,

которая достаётся не работникам в качестве зарплаты, а капиталистам в качестве прибыли. Причём, стоимость продуктов труда должна быть ещё больше, поскольку живой труд является не единственным видом материализованного в них труда. В производственном процессе, рабочие затрачивают свою собственную энергию, но они также используют накопленный чужой труд в виде средств производства и обрабатывают сырьё, на которое ранее был также затрачен труд.

В результате, странным образом стоимость продуктов трудящегося и стоимость его зарплаты оказываются разными величинами, а именно, сумма денег, полученных капиталистом, когда он продаёт товары, произведённые его наёмными работниками отличается от суммы денег, которую он платит работникам. Эта разница не объясняется тем фактом, что за материалы и средства производства следует платить. Если бы стоимость проданных товаров равнялась стоимости живого труда и инструментов, для капиталистов всё равно не оставалось бы места. Факт состоит в том, что разница между двумя величинами должна быть достаточно большой для того, чтобы поддерживать класс капиталистов — не только их лично, но также ту специфическую деятельность, которой они лично занимаются, а именно приобретение труда. Разница между полной стоимостью продуктов и стоимостью труда, затраченного на их производство является прибавочной стоимостью, семенем Капитала.

Для того, чтобы установить происхождение прибавочной стоимости, необходимо исследовать почему стоимость труда меньше стоимости производимых им товаров. Отчуждённая деятельность рабочего преобразовывает сырьё с помощью средств производства и производит определённое количество товаров. Однако, когда эти товары проданы, а за использованные материалы и инструменты уплачено, рабочим не достаётся в качестве зарплаты оставшаяся стоимость их продуктов; они получают меньше. Иными словами, в течение каждого рабочего дня, рабочие выполняют определённое количество неоплаченного труда, принудительного труда, за который они не получают эквивалента.

Выполнение этого неоплаченного труда, этого принудительного труда, является ещё одним «условием выживания» в капиталистическом обществе. Тем не менее, подобно отчуждению, это условие продиктовано не природой, а коллективной практикой людей, их повседневной деятельностью. До того как возникли профсоюзы, отдельный рабочий соглашался на любой доступный принудительный труд, поскольку отказ от труда означал бы, что другие рабочие примут доступные условия обмена, а этот отдельный рабочий не получит зарплаты. Рабочие конкурировали друг с другом из-за зарплаты, предлагаемой капиталистами; если рабочий уходил из-за того, что зарплата была неприемлемо низкой, безработный с готовностью заменял его, поскольку для безработного низкая зарплата выше, чем отсутствие зарплаты. Эту конкуренцию между рабочими капиталисты называют «свободным трудом», и они идут на большие жертвы для того, чтобы сохранить свободу рабочих, потому что именно эта свобода предохраняет прибавочную стоимость капиталиста и позволяет ему накапливать Капитал. В цели ни одного из рабочих не входит производство большего числа продуктов, нежели то, за которое ему платят. Его целью является получение зарплаты, чем больше, тем лучше. Однако, существование рабочих, которые совсем не получают зарплаты, и чьи идеи о высокой зарплате вследствие этого скромнее, чем у уже занятых рабочих, позволяет капиталисту нанимать труд по

более низкой цене. Фактически, существование безработных позволяет капиталисту платить самую низкую зарплату, за которую рабочий может согласиться работать. Так, результатом коллективной ежедневной деятельности рабочих, борьбы каждого индивидуального рабочего за большую зарплату, стало понижение зарплаты всех; эффект конкуренции всех против всех заключается в том, что каждый получает наименьшую возможную зарплату, а капиталист получает наибольшую возможную прибавочную стоимость.

Ежедневная практика всех аннулирует цели каждого. Но рабочие не знали, что их собственная ситуация была продуктом их собственного повседневного поведения; их собственная деятельность не была прозрачной для них. Рабочим казалось, что низкая зарплата была просто естественной частью жизни, как болезнь и смерть, и что падающая зарплата являлась естественной катастрофой, вроде наводнения или суровой зимы. Критика социалистов и анализ Маркса, так же как и повышение промышленного развития, предоставившего больше времени для размышлений, сорвали часть флера и позволили рабочим всмотреться в свою собственную деятельность в какой-то мере. Однако, в Западной Европе и в Соединённых Штатах, рабочие не избавились от капиталистической формы повседневной жизни; они сформировали профсоюзы. А в несколько отличных материальных условиях Советского Союза и Восточной Европы, рабочие (и крестьяне) заменили капиталистический класс государственной бюрократией, покупающей отчуждённый труд и накапливающей Капитал во имя Маркса.

С профсоюзами, повседневная жизнь похожа на саму себя до профсоюзов. Фактически, она почти та же. Повседневная жизнь продолжает состоять из труда, из отчуждённой деятельности и из неоплаченного, или принудительного труда. Работник, состоящий в профсоюзе больше не обговаривает условия своего отчуждения; за него это делают профсоюзные функционеры. Условиями на которых отчуждается деятельность работника больше не управляет потребность отдельного работника принимать то, что имеется; ими управляет потребность профсоюзного бюрократа удерживать свой пост сводника между продавцами труда и его покупателями.

С профсоюзами или без них, прибавочная стоимость не является ни продуктом природы, ни Капитала; она создаётся повседневной деятельностью людей. В исполнении своей повседневной деятельности, люди не только склонны к отчуждению этой деятельности, они также склонны воспроизводить условия, заставляющие их воспроизводить свою деятельность, воспроизводить Капитал, а следовательно власть Капитала покупать труд. Это происходит не из-за того, что они не знают «в чём заключается альтернатива». Человек, ставший инвалидом из-за хронического несварения потому что ест слишком много жира не продолжает есть жир оттого, что не знает в чём заключается альтернатива. Либо он предпочитает оставаться инвалидом вместо того, чтобы бросить есть жир, либо он не понимает, что ежедневное потребление жира превращает его в инвалида. И если его врач, священник, учитель и политик сначала говорят ему, что жир поддерживает в нём жизнь, а затем, что они уже делают для него всё, что он сам бы сделал для себя, если бы был здоровым, то неудивительно, что его деятельность непрозрачна для него и что он не предпринимает больших усилий сделать её прозрачной.

Производство прибавочной стоимости является условием для выживания, но не населения, а капиталистической системы. Прибавочная стоимость является частью стоимости товаров, произведённых трудом, которая не возвращается к трудящимся. Её можно выразить или в товарах, или в деньгах (так же как Капитал можно выразить в количестве либо вещей, либо денег), но это не изменяет того факта, что она является выражением материализованного труда, накопленного в данном количестве продуктов. Поскольку продукты можно обменивать на «эквивалентное» количество денег, деньги «заменяют» или представляют собой, ту же стоимость, что и продукты. Деньги могут, в свою очередь, обмениваться на иное количество продуктов «эквивалентной» стоимости. Сочетание этих обменов, происходящих одновременно во время выполнения капиталистической повседневной жизнедеятельности, представляет собой капиталистический процесс товарооборота. Именно благодаря этому процессу происходит превращение прибавочной стоимости в Капитал.

Та часть стоимости, что не возвращается труду, а именно прибавочная стоимость, позволяет капиталисту существовать, и она также позволяет ему больше, чем просто существовать. Капиталист инвестирует часть этой прибавочной стоимости; он нанимает новых рабочих и покупает новые средства производства; он расширяет своё господство. Это означает, что капиталист накапливает новый труд, как в форме живого труда, который он нанимает, так и в форме прошлого труда (оплаченного и неоплаченного), накопленного в тех материалах и станках, что он покупает.

Капиталистический класс, как целое накапливает прибавочный труд общества, но этот процесс происходит на общественном уровне и следовательно его нельзя рассматривать так же, как деятельность отдельного капиталиста. Следует помнить, что продукты, покупаемые определённым капиталистом в качестве средств производства обладают теми же характеристиками, что и продукты, которые он продаёт. Первый капиталист продаёт средства производства второму капиталисту за определённую сумму денег и только часть этой стоимости возвращается к работникам в качестве зарплаты; остающаяся часть является прибавочной стоимостью, за которую первый капиталист приобретает новые средства производства и труд. Второй капиталист приобретает средства производства за данную стоимость, что означает, что он платит за полное количество труда, приобретённого первым капиталистом, количество труда, за которое было заплачено, а также труда, выполненного за бесплатно. Это означает, что средства производства, накопленные вторым капиталистом содержат неоплаченный труд, выполненный для первого. Второй капиталист, в свою очередь, продаёт свои продукты за данную стоимость и возвращает только часть этой стоимости своим работникам; он использует остаток для приобретения новых средств производства и труда.

Если сжать весь процесс в один временной период и собрать всех капиталистов в одного, стало бы очевидно, что стоимость за которую капиталист приобретает новые средства производства и труд равняется стоимости продуктов, которые он не возвращает производителям. Этот накопленный прибавочный труд и является Капиталом.

В терминах капиталистического общества как целого, весь Капитал равен сумме неоплаченного труда, выполненного поколениями людей, чья жизнь состояла из ежедневного отчуждения их жизнедеятельности. Иными словами Капитал, которо-

му люди продают дни своей жизни, является продуктом проданной деятельности человека и воспроизводится и распространяется каждый день, когда человек продаёт ещё один рабочий день, каждый раз, когда он решает продолжать жить при капиталистической форме повседневной жизни.

Накопление человеческой деятельности

Преобразование прибавочного труда в Капитал является специфической исторической формой более общего процесса, процесса индустриализации, постоянного преобразования материальной окружающей среды человека.

Некоторые существенные характерные черты этой последовательности человеческой деятельности при капитализме можно понять при помощи упрощённой иллюстрации. В воображаемом обществе, люди тратят большую часть своего активного времени на производство пищи и прочих потребительных стоимостей; лишь часть их времени является «прибавочным временем» в том смысле, что оно изъято из производства потребительной стоимости. Эта прибавочная деятельность может быть посвящена производству пищи для священников и воинов, которые сами её не производят; она может быть использована для производства товаров, сжигаемых по случаю священных празднеств; она может быть использована для исполнения церемоний или физкультуры. В каждом из этих случаев, материальные условия этих людей вряд ли будут изменяться, от поколения к поколению, в результате их повседневной деятельности. Однако, одно поколение людей в этом воображаемом обществе вместо того, чтобы использовать это прибавочное время, может накопить его. Например, они могут использовать это время закручивая пружины. Следующее поколение может раскрутить энергию накопленную в этих пружинах для исполнения необходимых задач, или может просто использовать энергию этих пружин для того, чтобы закрутить новые. В любом случае, накопленный прибавочный труд предыдущего поколения обеспечит новое поколение ещё большим количеством прибавочного рабочего времени. Новое поколение может также накопить этот излишек в пружинах и других вместилищах труда. В относительно краткий период, труд, накопленный в пружинах превысит рабочее время, доступное для любого живого поколения; в то время как с относительно малыми затратами энергии, люди в этом воображаемом обществе смогут использовать пружины для исполнения большинства своих задач, в том числе для закручивания новых пружин для будущих поколений. Большинство живых часов, которые они до этого тратили на производство потребительных стоимостей теперь станет доступно для деятельности, которая не продиктована необходимостью, но разработана воображением.

На первый взгляд кажется маловероятным, что люди стали бы посвящать часы своей жизни странному делу закручивания пружин. Настолько же маловероятным, даже если они закручивают пружины, кажется то, что они будут накапливать их для будущих поколений из-за того, что раскручивание пружин может стать, например, чудесным зрелищем в праздничные дни.

Однако, если люди не распоряжаются своей собственной жизнью, если их трудовая деятельность не принадлежит им, если их практическая деятельность состоит из

принудительного труда, тогда человеческая деятельность вполне может быть посвящена задаче скручивания пружин, задаче накопления прибавочного рабочего времени в материальных вместилищах. Историческая роль Капитализма, роль, исполненная людьми, которые приняли законность того, что другие распоряжаются их жизнью, состояла как раз в накоплении человеческой деятельности в материальных вместилищах посредством принудительного труда.

Как только люди подчиняются «власти» денег покупать накопленный труд, а также жизнедеятельность, как только они принимают фиктивное «право» обладателей денег контролировать и распоряжаться накопленной, так же как и живой деятельностью общества, они преобразовывают деньги в Капитал и обладателей денег в Капиталистов.

Это двойное отчуждение, отчуждение жизнедеятельности в форме наёмного труда и отчуждение деятельности прошлых поколений в форме накопленного труда (средства производства), не является единичным актом, случившимся где-то в истории. Отношения между трудящимися и капиталистами это не нечто, навязанное обществу в какой-то определённый момент в прошлом, раз и навсегда. Никогда люди не подписывали контракт, и даже не вступали в устное соглашение, по которому они отказывались бы от власти над своей жизнедеятельностью и отдавали бы капиталистам власть над жизнедеятельностью всех будущих поколений во всех частях земного шара.

Капитал носит на себе маску естественной силы; он кажется настолько же материальным как сама земля; его движение кажется необратимым как морской прилив; его кризисы кажутся неизбежными, как землетрясения и наводнения. Даже если признать, что власть Капитала создана людьми, это может стать просто поводом для изобретения ещё более навязчивой маски, маски созданной человеком силы, Франкенштейна, чья власть вызывает ещё больше ужаса, чем какая-либо естественная сила.

Однако, Капитал не является ни естественной силой, ни рукотворным монстром, созданным когда-то в прошлом и с тех пор господствующим над человеческой жизнью.

Власть Капитала обретается не в деньгах, поскольку деньги являются лишь общественной условностью, у которой не больше «власти», чем ей хотят придать люди; когда люди откажутся продавать свой труд, деньги не смогут исполнять даже простейшие задачи, потому что деньги не «работают».

Власть Капитала также не содержится в материальных вместилищах, в которых накоплен труд прошлых поколений, поскольку потенциальная энергия, накопленная в этих вместилищах может быть высвобождена благодаря деятельности живых людей вне зависимости от того, являются ли они Капиталом, а следовательно чуждой «собственностью». Без живой деятельности, набор предметов, из которых состоит общественный Капитал станет просто нагромождением безжизненных артефактов, а «владельцы» Капитала станут лишь разбросанным классом причудливо лишённых творческой жилки людей (по своему образованию), окружающих себя кусочками бумаги в тщетной попытке возродить воспоминания о былом могуществе. Единственная «власть» Капитала обретается в повседневной деятельности живых людей; эта «власть» состоит из желания людей продавать свою повседневную деятельность

в обмен на деньги и отказываться от контроля за продуктами собственной деятельности и деятельности прежних поколений.

Когда человек продаёт свой труд капиталисту и принимает лишь часть своего продукта в качестве оплаты за свой труд, он создаёт условия для приобретения и эксплуатации других людей. Ни один человек не пожелает отдать свою руку или своего ребёнка в обмен на деньги; но когда человек намеренно и осознанно продаёт свою трудовую жизнь для того, чтобы удовлетворить свои жизненные потребности, он не только воспроизводит условия, из-за которых продажа его жизни является необходимостью для её сохранения; он также создаёт условия, из-за которых продажа жизни становится необходимостью и для других. Грядущие поколения конечно могут отказаться продавать свою трудовую жизнь по той же причине, по какой он отказывается продать свою руку; однако, каждый раз, когда не удаётся отвергнуть отчуждённый и принудительный труд, увеличивает запасы накопленного труда, за которые Капитал может покупать трудовые жизни.

Для того, чтобы преобразовать прибавочный труд в Капитал, капиталист должен суметь накопить его в материальном виде, в новых средствах производства, и он должен нанять новых рабочих для того, чтобы привести в действие новые средства производства. Иными словами, он должен увеличить своё предприятие, или открыть новое в другой производственной отрасли. Это предполагает или требует существования материалов, которые можно превратить в новые товары для продажи, существования покупателей новых продуктов и существования людей достаточно бедных для того, чтобы быть согласными продавать свой труд. Эти требования сами создаются капиталистической деятельностью, и капиталист не признаёт пределов или препятствий для своей деятельности; демократия Капитала требует абсолютной свободы.

Империализм это не только «последняя стадия» Капитализма; но также первая.

Всё, что может быть преобразовано в рыночный товар становится зерном для жерновов Капитала, находится ли это на земле капиталиста или его соседа, под землёй или на её поверхности, плывёт по морю или ползает по его дну; находится ли это на других континентах или на других планетах. Все исследования природы человечеством, от Алхимии до Физики, мобилизованы на поиски новых материалов, в которых можно накапливать труд, на обнаружение новых предметов, которые можно заставить кого-нибудь купить. Покупатели старых и новых продуктов создаются всеми доступными средствами, в то время как постоянно разрабатываются новые средства. «Открытые рынки» и «открытые двери» устанавливаются силой и обманом. Если людям не хватает средств на приобретение продуктов капиталиста, капиталисты нанимают их и платят им за производство товаров, которые они захотят купить; если местные ремесленники уже производят то, что хотят продать капиталисты, ремесленников уничтожают или покупают; если законы или традиции запрещают использование определённых продуктов, уничтожаются законы и традиции; если у людей нет предметов, при помощи которых они могут использовать продукты капиталистов, их учат покупать эти предметы; если у людей не остаётся физических или биологических потребностей, капиталисты «удовлетворяют» их «духовные потребности» и нанимают психологов, создающих последние; если люди так пресыщены продуктами капиталистов, что уже не могут использовать новые

предметы, их учат покупать предметы и зрелища, от которых нет иной пользы кроме той, что их можно созерцать и восхищаться ими.

Бедные люди существуют в до-сельскохозяйственных и в сельскохозяйственных обществах на всех континентах; если они недостаточно бедны для того, чтобы хотеть продавать свой труд, когда прибывают капиталисты, деятельность самих капиталистов доводит их до нищеты. Земли охотников постепенно становятся «частной собственностью» «владельцев», использующих государственное насилие для того, чтобы загнать охотников в «резервации», в которых не хватает еды для поддержания в них жизни. Средства производства крестьян постепенно становятся доступными только через того же торговца, который щедро занимает им деньги на покупку средств производства, до тех пор пока крестьянские «долги» не увеличиваются до такой степени, что им приходится продавать землю, которую ни они, ни их предки не покупали. Покупатели продуктов ремесленников постепенно вынуждены переходить к торговцам, сбывающим продукты, до тех пор пока торговец не решает собрать «своих ремесленников» под одной крышей и не предоставляет им средства производства, которые позволят им сконцентрироваться на производстве самых прибыльных вещей. Независимые и зависимые охотники, крестьяне и ремесленники, свободные и рабы, все становятся наёмными работниками. Те, кто раньше распоряжался своей жизнью перед лицом жёстких материальных условий перестают распоряжаться своей жизнью именно в тот момент, когда они принимаются за задачи по улучшению своих материальных условий; те, кто ранее были сознательными создателями своего нищенского существования становятся бессознательными жертвами своей собственной деятельности, хотя они и упраздняют нищету своего существования. Люди, которые были очень большими, хотя и имели мало теперь имеют много, но стали маленькими.

Производство новых товаров, «открытие» новых рынков, рождение новых рабочих — это не три отдельных вида деятельности; это три аспекта одной и той же деятельности. Новая рабочая сила создаётся исключительно для производства новых товаров; зарплата, получаемая этими трудящимися сама является новым рынком; их неоплаченный труд является источником для нового расширения. Ни естественные, ни культурные барьеры не остановят распространение Капитала, преобразование повседневной деятельности людей в отчуждённый труд, преобразование их прибавочного труда в «частную собственность» капиталистов. Однако, Капитал не является естественной силой; это определённая деятельность, выполняемая людьми каждый день; это форма повседневной деятельности; её продолжительное существование и расширение предполагает лишь одно существенное условие: желание людей продолжать отчуждение своей трудовой жизни с воспроизводством капиталистической формы повседневной жизни.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Фреди Перлман
Воспроизводство повседневной жизни
1969

Сохранено 4 февраля 2012г. из revsoc.org

ru.theanarchistlibrary.org